

ВВОДНОЕ СЛОВО

Итак, этим номером мы открываем проект по изданию первого российского журнала по эстетике. Проект инициирован недавно созданным Российским эстетическим обществом. Это говорит о том, что отечественная эстетика обретает новую жизнь и отчетливую форму не только своего существования, но и осмысления.

Впрочем, ни актуальность эстетической проблематики, ни постоянное мощное присутствие эстетического элемента в жизни отечественной культуры никогда нельзя было подвергнуть сомнению. Можно даже сказать, что именно эстетический элемент оказывался неуклонно присутствующим, неизменным, доминирующим в российском мировоззрении, хотя, вероятно, это может казаться спорным тезисом. Но — от всем известной и более-менее очевидной в этом контексте патетической надежды на то, что «красота спасет мир», или чаяний русских космистов об организации пространства универсума наподобие некоего прекрасного сада — до нигилистического саморазрушения, радикального атеизма, граничащего со столь же все сметающим мистицизмом, и наиболее едких постмодернистских экспериментов — все это буквально пропитано эстетикой. И может быть, именно поэтому эстетика достаточно часто не замечалась, теряла свои границы, не могла определить сферу своего применения.

О какой эстетике идет речь? Определенно мы говорим здесь о разных уровнях эстетики. Эстетика, пропитывающая жизнь, и эстетика как философская дисциплина — две

существенно различные вещи. В европейской философии эстетика как отдельная дисциплина также выделилась весьма поздно, лишь в середине XVIII века, в эпоху Просвещения, накануне Французской революции и становления романтизма. В этот момент вдруг словно почувствовалась необходимость в осмыслении совершенно особого пласта отношения человека к миру. Этот пласт присутствовал всегда, но почему-то в осмыслении не нуждался или нуждался в иных формах этого осмысления. И тем не менее новая форма рефлексии, предлагаемая эстетикой, возникла не на пустом месте, но была следствием развития особого типа мировоззрения, результатом смены культурных парадигм. Она возникла из недр мистического христианства, номиналистических схоластических богословских штудий, из зародившегося порыва к бесконечному поиску, из географических открытий, из научной революции, из эмпиризма, из субъективизма формирующейся рациональной критики, из индивидуализма нового экономического порядка. Множество оснований сформировали абсолютно новую позицию по отношению к миру, позицию, которую можно назвать эстетической, потому что она предполагает не только чувственное восприятие, доверие к индивидуальному опыту человека, но и эмоциональное напряжение, чувство, переживание человека по отношению к миру. Отныне важным становится то, как мы переживаем мир, а не только то, что он есть сам по себе и как мы его познаем. Это позиция «эстетического человека», который даже к Богу, к добру, к истине, к самому бытию подходит с точки зрения своего чувства, своего переживания. Эта позиция существенно отлична от погруженности в восхищение онтологической гармонией бытия, не вызывающей к ее переживанию, но скорее предполагающей растворение и самоустранение. И можно утверждать, что именно эта переживающая, деятельная, ярко выражено антропологизированная позиция по отношению к миру, характерная для отечественной мысли начиная, по крайней мере, с той же эпохи Просвещения, выражала себя в особом накале эстетического чувства ко всему, что бы ни происходило, будь это революции, проекты по переустройству общества, моральные кризисы, творческие прорывы.

Как в девятнадцатом столетии, так и в двадцатом эстетика развивалась в отечественной философской традиции достаточно активно, ее место в качестве философской дисциплины было хорошо определено. Толчок к ее развитию был задан знакомством с европейскими идеями, но само развитие было оригинально, самобытно и во многом противостояло выводам и достижениям западных концепций. Отдельно хотелось бы отметить традицию советской эстетики, сформировавшейся в ситуации жесткой идеологической войны между Советским Союзом и западным миром. Советская философская мысль, вновь опираясь на принципы Просвещения и следуя традициям сформировавшейся веками системы знаний, выделила, в конечном счете, эстетике достойное место, включила ее в научную систему осмысления мира, разработала специфическим образом ее понятийный аппарат, применила ее к новым формам анализа искусства. И главное: фактически, в советской философии именно эстетика могла служить некоей точкой опоры для преодоления идеологических границ, для внедрения гуманитарных ценностей, для обоснования нестабильности системы. Словом, эстетика, как всегда будучи на виду самой спокойной и самой отстраненной от треволений политической, экономической, моральной жизни, сферой исследования, оказывалась средоточием того бунта, который человек осуществляет против любого подавления и любой ситуации стагнации. В XVIII веке в Европе именно эстетика, оставаясь, на первый взгляд, одной из наиболее абстрактных философских дисциплин, отразила самую глубину нового экспансивного и крайне индивидуалистического мировоззрения, по причине чего уже в конце XIX века Ф. Ницше, говоря о воле к власти и о распространении тотального господства субъекта над реальностью даже на уровне интерпретации, апеллирует именно к эстетике. Так же и на виду довольно схоластичная советская эстетика оказалась ареной борьбы с системой, и именно эстетическую, в большей мере чем этическую, неудовлетворенность можно назвать среди главных факторов ее преобразования.

Тем не менее это расхождение между спокойной и довольно абстрактной видимостью и кипучим внутренним

радикализмом жизненного ядра всегда сказывалось на эстетике двояким образом. С одной стороны, оно давало ей свободу, до некоторой степени умеряло цензуру. С другой же стороны, снижало и уровень серьезности отношения к ней: ведь что дела серьезной мысли до этой «игры в бисер», когда на повестке дня стоят более существенные проблемы? Этот упрек в недостаточной серьезности эстетики по сравнению с этикой и логикой бросался некогда даже в адрес И. Канта, хотя для него, фактически, эстетика выступила как средство завершить и объединить систему, стала чем-то вроде недостающей современной физике «общей теории всего». Но этот шлейф абстрактности одновременно с развлекательностью (раз уж речь идет о чувстве удовольствия от красивой формы!) за эстетикой остается и поныне. И это, возможно, является причиной того, что в современной отечественной академической практике эстетика оказывается в явно вытесненном состоянии, выпадает из учебных программ и курсов, не обладает достаточным количеством представляющих ее кафедр и изданий. И, как говорилось выше, границы ее оказываются размытыми и неопределенными, притом что интерес к самой эстетической проблематике, если мы просто оглянемся вокруг себя на жизнь современного общества, является высочайшим. Это очевидное противоречие — явственный интерес и увлеченность при слабой структурированности и разрозненности теоретического осмысления — вызывает тревогу и желание данную ситуацию преодолеть.

Именно такую цель ставит перед собою создание периодического издания по эстетике, которое собирало бы в себе теоретические статьи как отечественных, так и иностранных авторов, посвященные различным сторонам эстетической проблематики. Это вопросы истории эстетики, а также современной эстетической теории. Кроме того, это проблемы, связанные с эстетическим осмыслением художественной практики и с философией искусства. Надо сказать, что отношения между эстетикой и искусством достаточно сложны и напряженны. Их взаимосвязь видится то как полное слияние — в конце концов за время своего развития эстетика почти полностью превратилась в философскую теорию

искусства и стала применяться именно для его осмысления, — то констатируется столь же полное расхождение. В современной мысли это расхождение наблюдается особенно явственно. Среди эстетиков все чаще заходит речь об эстетике природы, эстетике среды, энвайронментальной эстетике. Философы же искусства все больше отрекаются от эстетики в своих рассуждениях, указывая, весьма последовательно, как, например, А. Данто, на то, что эстетическое переживание не есть для определения искусства не только главный, но часто и вообще значимый критерий, между тем как это переживание распространяет себя очень далеко за пределы искусства, так что огромный спектр опыта, с которым мы сталкиваемся в жизни, можно охарактеризовать как эстетический. Все это является проблемой и предметом анализа во многих теоретических концепциях. Но все это говорит о том, что опыт общения с искусством и его осмысление никак не могут быть обойдены стороной изданием, посвященным эстетике. Потому предлагаемый читателю журнал содержит в себе раздел, посвященный искусству. А также мы не можем оставить без внимания и сами художественные практики, если они содержат в себе элемент эстетической рефлексии. Мы приветствуем художественные тексты и философскую эссеистику, поскольку они также могут помочь в развитии эстетической мысли и в определении места эстетики среди философских направлений современного мира. Также, естественно, в журнале публикуются переводы эстетических текстов и рецензии на любые имеющие отношение к эстетике работы, выходящие в настоящее время.

В связи со сказанным особенно приятно отметить, что первый наш выпуск открывается, в разделе, посвященном истории эстетики, статьей об эстетике А. Баумгартена. Автором статьи является известный отечественный эстетик *Вадим Прозерский*, давно и тщательно изучающий историю эстетической мысли. Значимо же это как потому, что Баумгартен — признанный родоначальник и отец эстетики, автор самого термина «эстетика», введенного им в середине XVIII века, так и потому, что до сих пор эстетика Баумгартена достаточно мало исследовалась в отечественной науке, до такой степени, что даже книги его почти не переводились и не было специальных

посвященных ему работ. Последующее развитие эстетической философии, начиная с Канта, затмило фигуру основателя, между тем именно его идеи оказались поворотными и ключевыми для становления этой науки и для определения ее специфики. Также в этом разделе представлена статья екатеринбургского ученого *Никиты Быстрова*, касающаяся более раннего периода мыслительной традиции, но не менее важного для становления эстетического восприятия: его статья посвящена проблеме трактовки божественного света в мистическом богословии.

Теоретический раздел представляет нам несколько существенных концептуальных замечаний об эстетическом опыте, в первую очередь, связанных с опытом восприятия искусства, однако существенных для понимания того, как структурировано эстетическое отношение вообще. Здесь мы видим статью видного финского исследователя *Макса Риинанена* об истории китча как художественного жанра, о возможностях его включения в современную эстетическую систему и о специфике его восприятия. Также в данном разделе публикуется статья *Бориса Орлова* из Екатеринбурга и *Богдана Дземидока* из Польши о национальных особенностях эстетического восприятия и о любопытных нюансах формирования эстетического опыта при столкновении с национальными и фольклорными формами художественной практики. Интересно также исследование французско-русского специалиста *Дени Вьене*, предлагающее нам в форме некоего философско-эстетического наброска проследить теоретическое сходство между порывами искусства, философии и науки, которые в равной мере являют собой виды творческой деятельности. Также любопытна статья молодого петербургского специалиста *Павла Егорова*, посвященная специфике проявлений мистического опыта в секулярном мире: его проявления оказываются тесно связанными именно с эстетическим восприятием, причем в наиболее радикальных формах, граничащих с безобразием, ужасом, отвращением, но в целом хорошо укладывающихся при их определении в категорию эстетически возвышенного.

Раздел, посвященный вопросам искусства, в настоящем выпуске оказался тематическим, он содержит четыре текста по

эстетике архитектуры. Открывается этот раздел фундаментальным обобщающим очерком, описывающим соотношение истории архитектуры и истории философии, хотя целью автора является рассмотрение на фоне этого широкого контекста проблемы существования архитектурной эклектики как особого вида архитектурного творчества, а через эту призму — анализ новейших течений в архитектуре. Эта статья стала одной из последних работ петербургского специалиста в области философии архитектуры, доктора архитектуры, профессора Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета *Василия Горюнова*, после тяжелой болезни скончавшегося в мае этого года. Для нашего журнала является большой честью то, что одно из последних своих исследований этот ученый провел и описал специально для нашего журнала. Также здесь мы можем увидеть статью *Михаила Тубли*, исследователя, по его собственным словам принадлежащего к «школе Горюнова», где он представляет свою концепцию определения модерна, продолжающую длительную дискуссию о возможности рассмотрения архитектурного модерна в качестве особого стиля. Статья архитектора *Михаила Микишатъева* посвящена вопросам определения и принципов конкретного архитектурного стиля — русского ампира. Статья философа-эстетика *Елены Устюговой* рассматривает взаимосвязь современных теоретических концепций в области гуманитаристики с определенными видами архитектурной практики, претворение ставящихся в теоретическом плане проблем антропологии в жизнь в актуальном зодчестве и архитектурных концепциях. Таким образом, мы можем видеть, что в данном разделе искусство архитектуры представлено со всех точек зрения: с точки зрения философии архитектуры, концептуальных определений архитектурных стилей, с точки зрения исторического и искусствоведческого анализа, а также с точки зрения отражения в архитектурной практике тех проблем, которые ставятся также и в современной теории.

Раздел «Практика» предполагает публикацию художественных и эссеистических текстов, не претендующих на статус научных статей, однако сообщающих важные штрихи к

пониманию эстетического опыта. На этот раз мы видим здесь очерк, предлагаемый крупным петербургским философом и психоаналитиком *Ниной Савченковой* о фильме французского режиссера Эрика Ромера «Колено Клер» (1970).

В разделе переводов представлен перевод текста сенегальского философа, политического деятеля и поэта *Леопольда Седара Сенгора* об афро-негритянской эстетике и тем этническим особенностям формирования эстетического опыта, которые ставят под вопрос однозначность выводов, делающихся исходя из принципов одного лишь западного мировосприятия, легшего в основу создания классических эстетических систем, либо требуют значительного их расширения и обогащения за счет знакомства с прежде неизвестными способами эстетического восприятия. Теоретический аппарат, наработанный западной эстетикой, помогает осмыслить опыт, который способен видоизменить его и расширить границы того, для описания чего он был разработан.

Благодаря разделу рецензий, завершающему выпуск, мы имеем возможность познакомиться с книгой *Анны Димек* «Кино и семиотика. Делез под вопросом» (2015), причем рецензент одновременно разбирает книгу, анализирует ее и подвергает весьма тщательной и довольно резкой критике, которая интересна, однако, не только тем, что позволяет нам познакомиться через ее призму с предложенной автором концепцией, но тем, что также, фактически, раскрывает взгляды рецензента на эстетические и семиологические возможности интерпретации кинообраза, присутствующие в философии Жюлья Делеза.

Таковыми являются основные темы, поднимаемые в данном номере журнала, и мы надеемся, что этот проект будет иметь развитие, которое поспособствует укреплению отечественной эстетической традиции, ознакомлению с ней читателей, более органичному включению ее в мировое эстетическое поле, развитию международных контактов и выходу на новый уровень осмысления эстетической проблематики в целом.

Светлана Никонова